

ОБ L-РЕДУЦИРОВАННОМ ВАРИАНТЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ В РИМСКОМ ДИАЛЕКТЕ (LEX PORENA)

Ю. А. Филипацци

*Высшие курсы иностранных языков Министерства экономического развития
Российской Федерации*

А. А. Кретов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 13 февраля 2017 г.

Аннотация: статья посвящена феномену падения плавного сонанта в формах определенного артикля *lo, la, le, li* в римском диалекте Италии (закон Порена), в частности рассматривается функционирование двух преконсонантных вариантов артикля, обозначенных, соответственно, как L-редуцированный ('a, 'o, 'e, 'i) и полный вариант (*la, lo, le, li*). Предлагается анализ собранного авторами корпуса контекстов, описываются закономерности выбора той или иной формы артикля в начальной и нена начальной позиции в предложении.

Ключевые слова: римский диалект, определенный артикль, боковой плавный сонант, проклита, энклита, эмфаза, актуальное членение предложения, тактовая группа.

Abstract: the article is devoted to the phenomenon of the weakening of the liquid resonant in the definite article forms *lo, la, le, li* in the Roman dialect of Italy (*lex Porena*); in particular, it reviews the functioning of two preconsonant variants of the article, defined as L-reduced ('a, 'o, 'e, 'i) and full one (*la, lo, le, li*) respectively. The analysis is based on the corpus of contexts collected by the authors; the study reveals consistent patterns of choosing a form of the article in the initial and non-initial positions in a sentence.

Key words: Roman dialect, definite article, lateral liquid resonant, proclisis, enclisis, emphasis, actual division of a sentence, slot structure.

Римский диалект, обозначаемый также термином «романеско», за последнее столетие своего функционирования развил две инновационные черты, обе в сфере сонорных согласных: упрощение долгого дрожащего /r/ (*tera* «terra», *cori* «corri») и упрощение/падение бокового плавного сонанта /l/ в словах, производных от лат. *ILLUM* ('o *sfascio* «lo *sfascio*», 'a *casa* «la *casa*») [1, с. 315]. Первый феномен реализуется внутри словоформ и интересует прежде всего фонологов, так как касается перестройки фонологической системы, ее рядов и оппозиций. Второй процесс, в который вовлечены служебные слова – определенные артикли и местоимения, представляется более сложным для изучения, поскольку требует анализа, помимо фонологических, также синтаксических, семантических и просодических факторов. В самом деле «закон Порена» (так в литературе обозначают процесс падения бокового плавного сонанта /l/, наблюдающийся в римском диалекте) далек от удовлетворительного объяснения и даже пока еще не получил исчерпывающей фиксации.

Исследование современных, живых явлений итальянских диалектов затруднено тем, что диалектоло-

гическая традиция долгое время была ориентирована на социолингвистические изыскания, рассматривавшие пару «национальный язык – диалект», причем довольно часто – в диахронии [2], и только сравнительно недавно был поставлен вопрос о необходимости переместить фокус на синхронное изучение внутренней структуры итальянских диалектов как таковых [3, с. 183]. В настоящее время итальянские диалектологи широко применяют методы порождающей грамматики и фонологии, а также избирают диалекты, в том числе «романеско», в качестве объектов для сравнительно-типологических исследований [4–14]. На наш взгляд, наиболее убедительно и типологически достоверно система диалектов охарактеризована у Л. Ренци, положившего в ее основу критерий синтаксической дифференциации [15, с. 94–95].

О *lex Porena* известно, что падение бокового плавного сонанта в определенных артиклях изначально наблюдалось только в срединной позиции предложения (*pijja a bottijja*, но *L'amica*...) и носило градуированный характер ($ll \rightarrow l, l \rightarrow \emptyset$) [16, с. 235–236], но с течением времени «проникло» в начальную позицию предложения, а процесс упрощения стал носить более радикальный характер ($ll/l \rightarrow \emptyset$) [17,

с. 17]. В связи с этим М. Лопоркаро призывает исследовать современный римский диалект как отдельную стадию, без оглядки на состояние языковой системы во времена М. Порена [18, с. 184], что значительно облегчает нашу задачу.

Изучение различных работ, посвященных *lex Porena*, выявило необходимость применения иного метода, чем тот, который использовали известные нам авторы. Мы заметили, что в целом господствует тенденция противопоставления всех случаев редукции /l/ всем случаям ее отсутствия, в то время как собранные нами статистические данные об употребительности артиклей свидетельствовали в пользу того, что в одной позиции нормой является редуцированная форма, а в другой, напротив, нередуцированная. Последовательно разграничив превокальные и преконсонантные позиции определенного артикля и введя термины «L-редуцированный» (например, 'a < la) и «V-редуцированный» артикль ('l), которым противопоставлены соответственно «полная» (бифонозная) и «нулевая» (0-фонозная) формы, мы получили следующую их дистрибуцию:

Позиция \ Статус	Преконсонантная	Превокальная
Норма	L-редуцированная: 'a, 'o, 'e, 'i	V-редуцированная: 'l, 'll
Исключение	Полная: la, lo, le, li	Нулевая: Ø

Превокальным формам артикля была посвящена наша предыдущая статья [19]. Анализ употреблений показал, что выбор между V-редуцированным и нулевым вариантами осуществляется только в позиции перед безударным гласным и (в нашем материале) следует правилу, согласно которому информация, представляющая важность и интерес для всего микроколлектива, сопряжена с употреблением V-редуцированной формы артикля (нейтральной), а информация, касающаяся только говорящего и его собеседника, но не всего сообщества, маркируется нулевой формой артикля как более экспрессивной (маркированной).

В данной статье мы рассмотрим специфику употребления L-редуцированных форм римского определенного артикля на материале 78 контекстов. Корпус примеров был собран из нескольких первых серий многосерийного фильма «Romanzo criminale» (реж. Стефано Соллима, Италия, 2008). В фильме задействованы актеры – уроженцы Рима, которые, согласно сценарию, разговаривают исключительно на «романеско» [20]. Все выбранные примеры записаны на слух и даются в авторской транскрипции.

В соответствии с принципами, предложенными А. А. Зализняком, во всех контекстах мы определили границы клаузы и выделили тактовые группы, содер-

жащие сочетания «определенный артикль + имя существительное»: «тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении» [21, с. 6], «самым обычным видом клаузы является простое предложение – выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения» [там же, с. 13]. Определенный артикль может занимать начальную позицию в клаузе или в своей тактовой группе; условимся по умолчанию под начальной позицией понимать только абсолютное начало всего предложения, а под серединной – неначальную позицию в предложении.

Собранный материал насчитывает следующие употребления:

Форма \ Позиция	L-редуцированная*	Полная
Серединная	48: 'a – 32, 'o – 5, 'e – 6, 'i – 5	21: la – 10, le – 6, li – 5
Начальная	5: 'a – 2, 'e – 1, 'i – 2	4: la – 4
Итого:	53	25

Цель исследования – установить факторы, определяющие выбор полной формы определенного артикля вместо нейтральной L-редуцированной.

По всей видимости, качество гласного артикля здесь не играет никакой роли, поскольку в обеих группах в серединной позиции используются разные формы артикля, при этом, при равенстве количества начальных употреблений артиклей, их разнообразие пропорционально объему соответствующих неначальных форм. Тот факт, что артикль 'o присутствует только в самой многочисленной группе и в наименьшем объеме, объясняется его периферийным статусом относительно базового артикля мужского рода ед. ч. *er*, который не содержит плавного бокового сонанта и не подпадает под действие «закона Порена» (а значит, не вошел в выборку). Форма 'o представляет собой менее употребительный фонотактический вариант *er*, употребляющийся перед *sb, sd, sf, sp, st, z, ks, ts, ps* и т. п.

Особыми правилами регулируется употребление определенного артикля в начальной позиции предложения (девять контекстов). Среди L-редуцированных форм 5 употреблены в начале предложения:

(1) A tte rimane er pezzo più pegggiato, no? 'a profumeria de 'a Angelina. – А тебе останется самое ценное, разве нет? Парфюмерная лавка Анджелины.

* Количественный перевес L-редуцированных форм над полными на самом деле более значителен, поскольку в корпусе представлены не все контексты в виду их однотипности: перед нами стояла задача собрать все возможные реализации определенного артикля с учетом его формы и позиции в предложении, а статистические закономерности отслеживались попутно.

(2) Quelli fanno mijjardi con 'na firma su un pezzo de carta. *'i sordi veri*. – Они делают миллиарды одной подписью на листе бумаги. Настоящие деньги!

(3) *'a Madama* me s'è attaccata ar culo. – Полиция села мне на хвост (букв. 'прицепилась к заднице').

(4) *'e regole* vargono per tutti. – «Понятия» одни для всех.

(5) *'i sordi* ce stanno. [*La merce?*] – Деньги имеются. [А Товар?]

Среди полных форм таких контекстов четыре:

(6) *La zona* di Libbano è ttua e rimane tua. – Зона Ливанца – твоя и останется твоей.

(7) *La bbanda* stà a pperde' 'i pezzi. – [Наша] банда теряет своих членов.

(8) *La prima* è trovar modo per fini ll'opera. – Первое – найти способ закончить это дело.

(9) [*'i sordi* ce stanno.] *La merce?* – [Деньги имеются.] [А Товар?]

Для контекстов, содержащих полные формы, характерно, что сочетание «артикль + имя» занимает позицию темы и является подлежащим, которое уточняется сказуемым. Сказуемое сообщает *новую* информацию о предмете речи ((6), (7), (8)): «Зона Ливанца – твоя», «Банда теряет своих членов», «Первое – найти способ закончить это дело». В примере (9) сказуемое опущено, но вопросительный характер предложения свидетельствует о том, что говорящий желает узнать нечто новое о предмете (то, что пока ему неизвестно): «А товар [имеется]?».

Контексты с L-редуцированными формами содержат употребления, по структуре повторяющие только что описанные: (3), (4), (5). Сочетание «артикль + имя» занимает позицию темы, выступает в роли подлежащего, а сказуемое его уточняет. Однако, в отличие от полных форм, здесь сказуемое *не сообщает безусловно новой информации, а подтверждает* то, что уже *было известно*: «Полиция [опять] села мне на хвост», «Понятия одни для всех [были, есть и будут]», «Деньги имеются [как мы и договаривались]». Говорящий, выбирая L-редуцированную форму определенного артикля, словно бы намекает слушающему (слушающим), что он не сообщит ему (им) ничего нового о предмете, а лишь *подтвердит* то или иное его свойство.

В примерах (1) и (2) сочетание «артикль + имя» занимает позицию ремы, в (1) как подлежащее («парфюмерная лавка»), в (2) как прямое дополнение («настоящие деньги»). В обоих случаях имеет место дополнительная характеристика предмета как «того самого», «пресловутого»; более того, говорящий не просто уверен, что слушающий знает, о чем идет речь, но считает, что и он, и слушающий одинаково оценивают предмет речи. В (1) разговор строится на том, что собеседники одинаково *оценивают* парфюмерную лавку как «самое ценное»; в (2) у обоих собесед-

ников есть одинаковое представление о том, что такое «настоящие деньги».

В серединной позиции определенный артикль ведет себя по-разному в зависимости от того, располагается ли он *в начале тактовой группы* или ему предшествуют другие слова. Степень удаленности тактовой группы артикля от начала клаузы не играет роли.

Рассмотрим случаи, когда определенный *артикль начинает собственную тактовую группу*. L-редуцированные формы встречаются в 18 контекстах, которые мы проиллюстрируем частично. В примерах (10), (11), (12), (13) группа артикля занимает позицию ремы и выступает в функции прямого дополнения (всего таких контекстов 13):

(10) Но scapito, risparmiami | *'a morale*. Я понял, не надо читать мне мораль.

(11) Mi stanno a ppignorà ttutto: er supermercato | *'a merceria* | *'a profumeria*... У меня арестовывают все имущество: супермаркет, галантерейный магазин, парфюмерную лавку...

(12) Dovrete usare | *'e mani*. – Вам придется поработать руками (букв. «использовать руки»).

(13) Te se' guadagnato | *'o stipendio* 'er mese. – Ты обеспечил себе заработок на этот месяц.

Реже группа артикля занимает позицию ремы и выступает в функции подлежащего (примеры (14), (15)):

(14) Come te va | *'a spalla?* – Как твое плечо?

(15) Quando semo arivati non c'era più niente: nè | er fizzo | nè | *'a bborza*. – Когда мы подъехали, там уже никого не было: ни сына, ни сумки.

Наконец, определенный артикль может находиться в группе темпорального детерминатива (16) или занимать вместе с существительным позицию тематического подлежащего ((17), (18)):

(16) Però | *'a prossima vorta* | se portate tutto. – Но в следующий раз вы нам принесете все полностью.

(17) Però | *'a morte* sua | cambia 'gni ccosa. – Однако его смерть все меняет.

(18) E ppoi so' | *'e bbanche* | jji strozzini! – А еще говорят, что банки – обиралы!

Все тактовые группы в данном блоке примеров являются ортотоническими (акцентно самостоятельными) [21, с. 9], а структура таких предложений не представляет собой ничего необычного, т. е., по терминологии Г. П. Мельникова, является ненапряженной [22, с. 70]. Появление в подобном контексте полной формы определенного артикля является отклонением от нормы. Всего нам встретилось восемь подобных аномальных употреблений:

(19) Pe ttacitajje ll'anìmi je paghi | *le spese* legali. – Чтобы успокоить их души, оплатишь им судебные издержки.

(20) Prima deve presentà | *la perizia*. – Сначала он должен представить экспертизу.

(21) Noi stamo a pprotegge' uno dei nostri, se afferri | **la differenza**. – [Вообще-то] мы защищаем одного из наших, если улавливаешь разницу.

(22) 'hai fatto perchè hai sentito | **le vosci**. – Ты сделал это, потому что слышал голоса.

(23) Te l'hanno detto | **le vosci**. – Тебе сказали об этом голоса.

(24) Stateme a senti' che ppure **li cazzi** mia ve riguardeno tutti! – Слушайте меня, потому что мои проблемы и вас касаются!

(25) A Ruggè, piuttosto me tajjo **le palle**! – Руддже-ро, да я лучше себе яйца отрежу!

(26) E ttu vedi di fatte | **li cazzi** tua! – А ты не лезь не в свое дело! (букв. «делай свои дела»).

Что касается примеров (19) и (20), то дело здесь, очевидно, в семантико-стилистической окрашенности понятий «судебные издержки» (19) и «экспертиза» (20): юриспруденция – это сфера прежде всего литературного языка, а не диалекта. Спонтанный переход в процессе разговора на норму того языкового кода, которым обслуживается функциональный стиль, связанный с вводимым в канву дискурса понятием или предметом, – явление довольно распространенное в условиях диглоссии. Говорящий неосознанно выбирает литературную форму артикля, несмотря на то, что система «романеско» предписывает в этом контексте употребление *L*-редуцированной формы.

Примеры (21), (22) и (23), напротив, выступают исключением относительно диалектной нормы. В сценах фильма, где фигурируют данные реплики, говорящий в ситуации спора или необходимости убедить собеседника прибегает к легкому скандированию, в результате чего вся клауза распадается на более мелкие тактовые группы, каждая из которых получает свое ударение, а граница между которыми может проходить даже посередине знаменательного слова:

s(e) affEr | **ri la** | dIffe | rEnza.

hAI sen | **Itto le** | vOsci.

te l'hAn | no dEt | **tO le** | vOsci.

Тактовая группа артикля оказывается энклиноменной, т. е. такой, в которой все слоги фонологически безударны [21, с. 6]. Факторы, обусловившие употребление полной формы артикля, могут быть сформулированы по-разному: а) эмоциональная окрашенность речи, б) просодическая оторванность определенного артикля от имени существительного (нарушение проклизы), в) попадание артикля в энклизу к предшествующему элементу. Какой из них является первичным и самым главным, сказать трудно, хотя очевидно, что отправной силой здесь выступает эмоциональность речи, а остальные факторы являются следствием. Смещение границ тактовых групп приводит к тому, что артикль уже не занимает начального положения в своей тактовой группе.

В примерах (24), (25) и (26) имя существительное в тактовой группе артикля относится к вульгарной лексике и является, таким образом, экспрессивно окрашенным. Выбор полной формы артикля как нарушение правила выступает, в свою очередь, *дополнительным способом создания экспрессивности*.

Следовательно, допустимо предположить, что определенный артикль, открывающий собственную тактовую группу, должен выступать в своей нейтральной – *L*-редуцированной форме, кроме тех случаев, когда он сопровождает экспрессивно окрашенные имена существительные, в нашем корпусе относящиеся исключительно к сниженной лексике. Если по какой-то причине нормальное деление клаузы на тактовые группы нарушается и артикль оказывается не в начале своей тактовой группы, такая ситуация маркируется употреблением полной формы артикля.

В остальных 48 примерах сочетанию «артикль + имя» в рамках тактовой группы предшествуют другие слова.

В контекстах (27) и (28) «артикль + имя» выступают в роли прямого дополнения и входят в одну тактовую группу с глаголом, выраженным словом бисиллабической структуры:

(27) Saccia **'i sordi**. – Гони деньги.

(28) ...che scome | arpi **'a bbocca** | sbajji! – Стоит тебе открыть рот, как ты несешь чепуху!

Полные формы определенного артикля встречаются в похожих контекстах, например «артикль + имя» выступают в роли прямого дополнения и входят в одну тактовую группу с глаголом, только глагол выражен моносиллабом:

(29) Fà **la guerra** | a'a gamora è ll'ultima cosa che cce serve. – Вот только войны с каморрой нам не хватало! (букв. «делать войну каморре – это последнее дело, которое нам нужно»)

(30) Dentro ognuno | fà **li cazzi** sua! – Здесь внутри каждый блажит, как хочет! (букв. «делает свои прихоти»).

В этих примерах фактором, влияющим на выбор полной формы артикля, по всей видимости, выступает односложная форма сказуемого. Такие формы по своей природе ударны и создают ситуацию энклизы артикля, являющейся аномальной по сравнению с нейтральной ситуацией проклизы артикля к имени. Здесь проявляется вакарнагелевский закон, согласно которому служебное слово, следующее за сказуемым, занимающим начальную позицию в клаузе, включается в тактовую группу сказуемого [21, с. 24], только сказуемое при этом должно быть выражено моносиллабом. В примере (30) на эту ситуацию дополнительно накладывается тот факт, что имя, сопровождаемое артиклем, выражено экспрессивным элементом, принадлежащим к вульгарной лексике.

Группа «артикль + имя» может выступать также в роли подлежащего при инвертированном порядке слов и тоже входит в одну тактовую группу с глаголом-моносиллабом:

(31) *Sò le vosci* | che ssentivi dentro la testa. – Это голоса, которые ты слышал в твоей голове.

Если группа «артикль + имя» не входит в одну тактовую группу со сказуемым, то и правило сказуемого-моносиллаба не работает (см. выше пример (18): *E ppoi so* 'e bbanche...).

Когда прямое дополнение, выраженное именем существительным с определенным артиклем, распространено частицами *pure* «также», *manco* «также не», то определенный артикль и имя образуют независимую тактовую группу, в которой артикль выступает в нейтральной *L*-редуцированной форме:

(32) *Mo* | *manco* 'i *sordi* | *bessamo*. – Теперь мы и денег не увидим.

(33) *S'ha ffatto* | *pure* 'i *sordi*. – Он на этом еще и заработал (букв. «сделал деньги»).

В случае уже описанного выше эффекта скандирования определенный артикль, расположенный в тактовой группе после служебного слова, не выраженного моносиллабом, может выступать в экспрессивной полной форме:

(34) [*Sò le vosci*] che ssentivi | vi dEn | *tro la* | tEsa. – [Это голоса] которые ты слышал в твоей голове.

Там, где скандирование не происходит, но речь является эмоционально окрашенной, может также фигурировать полная форма артикля:

(35) *E vvoi finirete per scannavveli* | come *li cani*! – И в конце концов вы перегрызете друг другу глотки, как псы!

Такое употребление может показаться субъективным: ср. пример (28), где в контексте эмоционально окрашенной речи (эмоция раздражения) используется нейтральная форма артикля. Ради справедливости заметим, что на лексическом уровне в примере (28) отсутствуют экспрессивные элементы ('стоит тебе открыть рот, как ты ошибаешься'), тогда как в только что процитированном примере (35) имеется конструкция сравнения, содержащая экспрессивный элемент «псы».

Довольно распространена ситуация, когда определенный артикль оказывается в одной тактовой группе со служебным словом, выраженным моносиллабом: союзом или предлогом. В 22 случаях артикль употреблен в нейтральной *L*-редуцированной форме. Приведем несколько примеров:

(36) *Vedrai che scapirà, che 'e bbone* | o cche 'e *cattive*. – Увидишь, что он поймет: по-хорошему или по-плохому.

(37) *Quella va* | *a' o sfascio*. – Она пойдет на металлолом.

(38) *E 'a perizia* mia? – А моя экспертиза?

(39) *Ma sse' sicuro* | che 'a *strada* | è qquesta? – А ты уверен, что дорога именно эта?

(40) *Ma che* | sei de 'a *bbanda* | te? – А ты разве из банды?

Этому блоку примеров противопоставляются восемь употреблений полной формы определенного артикля после служебных слов.

Пример (41) показывает употребление в одном и том же коротком обмене репликами двух контрастирующих форм определенного артикля:

(41) [*A'a prossima*.] – *Ala prossima*. – До встрЕчи. – ДО встречи!

Вообще для подобного рода этикетных формул характерно повышение интонации в первом предложении, которое показывает ожидание говорящего услышать ответную реплику, в которой наоборот интонация с высокой точки будет понижаться. Чем больше эмоциональная вовлеченность говорящих в коммуникацию, тем сильнее выражены эти интонационные линии. «Плоские» линии интонации будут свидетельствовать о формальном характере общения, равнодушии или неприязни собеседников друг к другу и являются нарушением этикета. В контексте фильма понятно, почему в ответной реплике персонажа так выделен предлог: между двумя собеседниками установлены заговорщические отношения, а прощание происходит накануне очередного «дела». Эмфаза здесь приводит к тому, что артикль попадает в энклизу к предлогу. На то, что контекст энклизы препятствует падению сонанта, косвенно указывает замечание А. Кардиналетти [6], на которое обратила внимание Т. М. Николаева [23, с. 148], согласно которому энклитики более тесно примыкают к «хозяйнику», чем проклитики.

В целом в способности римского артикля примыкать к впереди стоящему слову нет ничего необычного: будущие определенные артикли – детерминативы – подчинялись этой тенденции еще в народной латыни: «неударенный детерминатив подвергался фонетическому притяжению со стороны впереди стоящего слова», а начиная с IX–X вв. «фонетическое притяжение детерминатива (артикля) к стоящему впереди слову отражается в их слитном написании. Наиболее сильное притяжение давали предлоги, образовавшие вместе с существительным грамматическое единство» [24, с. 68]. Более того, «уже ранние романские памятники давали другой тип энклизы, которая нарушала лексико-грамматические связи артикля с именем. Артикль может присоединяться к концу слова, не образующего лексико-грамматического единства с существительным, например, к глаголу, к союзу, наречию, другому существительному и т. п.» [24, с. 70]. О тенденции, в частности, латинских местоимений примыкать к коммуникативно выделенным словам писал также Дж. Адамс [25].

Особенно сильной семантической и синтаксической связью артикля с предшествующим служебным словом можно объяснить употребление полной формы артикля в контекстах с сочинительным союзом *e* «и»:

(42) Però in cambio vojjo er supermercato | **e la merceria**. – Но взамен я хочу супермаркет **и** галантерейный магазин.

(43) Poi sparite voi | **e li sordi!** – А потом исчезните и вы, и деньги!

Из-за малого количества примеров мы не можем утверждать, что союз «е» имеет тенденцию регулярно присоединять к себе определенный артикль, однако рискнем предположить, что сочинительная семантика союза может способствовать энклизе артикля: «если два или несколько членов соединены по способу сочинения в одном предложении (например, в форме перечисления или противопоставления), то они считаются за один член» [26, с. 116]. Энклиза определенного артикля сочинительным союзом может выступать способом показать, что следующее за артиклем имя относится к тому же члену предложения.

В двух случаях определенный артикль в полной форме употреблен в эмоционально насыщенном предложении, где он не сопровождает стилистически окрашенное слово, однако такое слово присутствует в контексте (выделим его полужирным шрифтом):

(44) E allora io dico «**vaffanculo**» a ddon Mimmo e «**vaffanculo**» **ala camora!** – Ну, тогда я скажу «иди в задницу!» дону Миммо и «иди в задницу!» – каморре!

(45) C'avete sacrificato l'accordo con **la camora** per sarvà er **culo** ar Bufalo! – Да вы же пожертвовали договором с каморрой, чтобы прикрыть задницу Буйволу!

Очевидно, одной интонационной и мелодической эмфазы предложения недостаточно, чтобы могла употребляться полная форма артикля. Полная форма артикля возникает в ситуации, когда экспрессивность в предложении выражена на лексическом уровне.

Наконец, последние три примера представляют собой идентичные по структуре тактовые группы «артикль + имя» – во всех случаях артикль сочленен с предлогом родительного падежа *de*:

(46) Sò ffatti **de la bbanda**. – Это дела нашей банды.

(47) Uno **de la bbanda**. – [Это] один из банды.

(48) È una **de le nostre**. – Это один из наших [пистолетов].

Можно предположить, что дело в конкретном предлоге, однако мы располагаем и употреблениями предлога *de* в сочетании с *L*-редуцированной формой артикля. Вспомним пример (40) *Ma che | sei de 'a bbanda | te?* или посмотрим на пример (49):

(49) Mi girijjo 'i sordi | da '**a Porsche**. – Я верну себе деньги за «Порш».

Единственно возможное объяснение здесь заключается, на наш взгляд, в том, где располагается интонационный коммуникативный центр высказывания (*focus*). В примерах с *L*-редуцированной формой артикля коммуникативный центр высказывания располагается справа от него (покажем позицию артикля астериском): «ты разве из * **банды?**», «я верну себе деньги за * «**Порш**»». В предложениях с полной формой артикля интонационный центр высказывания расположен слева от него: «это **дела** * нашей банды», «[Это] **один** из * банды», «Это **один** из * наших». Поскольку все три примера обладают сходной синтаксической структурой, очевидно, для последней характерна именно такая интонационная схема (термин И. П. Распопова [27, с. 109]), следствием чего оказывается регулярная энклиза определенного артикля предшествующим элементом.

В таком случае смещаются также границы тактовых групп. Если бы предложение продолжалось и коммуникативный центр высказывания располагался бы правее тактовой группы артикля, артикль и имя (существительное или прилагательное) объединились бы в одну тактовую группу:

Una | de '**e nostre** | pistole | ...

При расположении интонационно-коммуникативного центра высказывания левее тактовой группы артикля просодическая связь между артиклем и именем разрывается, иначе мы не могли бы говорить об энклизе, а ведь именно она является причиной употребления полной формы артикля:

È **una dele** | nostre.

Таким образом, можно сформулировать следующие правила употребления *L*-редуцированной и полной форм определенного артикля в римском диалекте:

1. В начальной и серединной позициях определенного артикля в предложении действуют разные логические принципы выбора нейтральной и маркированной формы артикля.

2. В начальной позиции играет специфическую роль прагматика и актуальное членение. Полная форма артикля сигнализирует о том, что в предложении будет дана *новая* информация о предмете речи, выраженном именем существительным. Употребление *L*-редуцированной формы связано, напротив, с подтверждением информации, уже *известной* слушающему. Кроме того, нейтральная форма артикля сопровождает те имена существительные, которые присутствуют в актуальной памяти коммуникантов и в отношении которых, по мнению говорящего, их *оценки совпадают*.

3. В серединной позиции прагматические критерии уже не играют роли, и факторы, определяющие выбор формы артикля, не выходят за пределы самого предложения.

4. Присутствие в высказывании стилистически окрашенной (сниженной) лексики, как рядом с артиклем, так и в контексте, обязывает говорящего употребить полную форму артикля. На артикли, стоящие в начальной позиции, это правило не распространяется (см. пример (3)).

5. Определенный артикль, *начинающий тактовую группу*, имеет тенденцию выступать в L-редуцированном варианте, кроме случаев, описанных в 4).

6. В тактовых группах, в которых артиклю предшествует какое-либо другое слово, возникает возможность энклизы артикля этим предшествующим элементом. Энклиза артикля возможна при двух условиях: когда в рамках одной тактовой группы артиклю предшествует знаменательное слово, выраженное (ударным) моносиллабом, или когда коммуникативный центр высказывания расположен левее тактовой группы артикля. В последнем случае артикль и имя существительное могут распределяться в соседние тактовые группы. «Энклитические» контексты обязывают употреблять полную форму артикля, все остальные – «проклитические» – L-редуцированную.

7. Наконец, сочинительный союз *e* «и» в силу своей семантики предположительно способен присоединять к себе в качестве энклитики определенный артикль существительного, участвующего в ряду однородных членов. В этом случае употребляется полная форма определенного артикля.

Проведенный анализ показал, что при изучении изменения звукового облика определенного артикля (и, очевидно, любых других частей речи) очень важно учитывать не только фонологические аспекты, но и рассматривать лексические, семантические, ритмико-просодические и прагматические факторы. Установленные закономерности будут учтены при исследовании падения /l/ объектных клитик, которые также вовлечены в процесс *lex Porena*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *D'Achille P.* Lazio / P. D'Achille // *Rivista Italiana di Dialettologia* 12. – 1989. – pp. 291–336.
2. *De Mauro T.* Per una storia linguistica della città di Roma / T. De Mauro // *Il romanesco ieri e oggi : Atti del Convegno del Centro Romanesco Trilussa e del Dipartimento di Scienze del linguaggio dell'Università di Roma «La Sapienza»*. – Roma : BULZONI EDITORE, 1989. – pp. XIII–XXXVII.
3. *Loporcaro M.* Osservazioni sul romanesco contemporaneo / M. Loporcaro // C. Giovanardi, F. Onorati (a cura di), *Le lingue del monno*. – Roma : Aracne editrice S.r.l., 2007. – pp. 181–196.
4. *Bafile L.* Alcune osservazioni sull'allomorfa dell'articolo determinativo e del proclitico oggetto nel dialetto napoletano / L. Bafile. – *Annali Online di Ferrara – Lettere* Vol. 1. – 2008.
5. *Bafile L.* Fenomeni di cancellazione dell'articolo e del proclitico oggetto nel napoletano ed altre varietà meridionali / L. Bafile // D. Pescarini e J. Garzonio (a cura di) *Atti della XVII Giornata di Dialettologia – Quaderni di Lavoro ASIt*. 14. – 2012. – pp. 1–28.
6. *Cardinaletti A.* Pronouns in Germanic and Romance languages : an overview / A. Cardinaletti // *Clitics in the languages of Europe* / ed. by H. van Riensdijk. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – pp. 33–82.
7. *D'Achille P.* Italiano e dialetto a Roma / P. D'Achille. – Mode of access: http://www.treccani.it/lingua_italiana/speciali/italiano_dialetti/D_Achille.html
8. *Floquet O.* Incontri vocalici e fenomeni di sandhi correlati nel parlato di Roma / O. Floquet, P. Bonucci // *Italiano parlato. Analisi di un dialogo*. – Liguori Editore, 2005. – pp. 71–87.
9. *Loporcaro M.* Compensatory Lengthening in Romanesco / M. Loporcaro // Bertinetto P. M., Kenstowicz M., Loporcaro M. (a cura di). *Certamen Phonologicum II. Papers from the Cortona Phonology Meeting 1990*. – Torino, Rosenberg e Sellier, 1991. – pp. 279–307.
10. *Loporcaro M.* L'origine del raddoppiamento fonosintattico. Saggio di fonologia diacronica romanza / M. Loporcaro. – Basel – Tübingen, Francke, 1997. – 181 p.
11. *Marotta G.* Fonetica sintattica, nell'Enciclopedia TRECCANI (2010) / G. Marotta. – Mode of access: [http://www.treccani.it/enciclopedia/ fonetica-sintattica_\(Enciclopedia-dell'Italiano\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/ fonetica-sintattica_(Enciclopedia-dell'Italiano)).
12. *Marotta G.* Il consonantismo romano. Processi fonologici e aspetti acustici / G. Marotta // *Italiano parlato. Analisi di un dialogo*. – Liguori Editore, 2005. – pp. 1–24.
13. *Matteucci P.* Una nota su L'origine del raddoppiamento fonosintattico di M. Loporcaro / P. Matteucci. – 2008). – Mode of access: <http://www.achyra.org/infarinato/files/rs.pdf>
14. *Ombonelli F.* La liquida geminata iniziale nella Toscana meridionale. Analisi testuale e dialettologica / F. Ombonelli. Tesi di laurea. Università di Pisa, Dipartimento di Fologia, Letteratura e Linguistica, Corso di laurea specializzata in linguistica. Pisa, 2012. – 190 p.
15. *Renzi L.* I dialetti italiani centro-meridionali tra le lingue romanze. Uno sguardo alla sintassi / L. Renzi // *Lingua e Stile* no. 1 (aprile 2001). Società Editrice Il Mulino, 2001. – pp. 81–96.
16. *Porena M.* Di un fenomeno fonetico dell'odierno dialetto di Roma / M. Porena // *L'Italia dialettale*. – I. – 1925. – pp. 229–238.
17. *Marotta G.* Il consonantismo romano. Processi fonologici e aspetti acustici / G. Marotta // *Italiano parlato. Analisi di un dialogo*. – Liguori Editore, 2005. – pp. 1–24.
18. *Loporcaro M.* Osservazioni sul romanesco contemporaneo / M. Loporcaro // C. Giovanardi, F. Onorati (a cura di), *Le lingue del monno*. – Roma : Aracne editrice S.r.l., 2007. – pp. 181–196.
19. *Филиппацци Ю. А.* О V-редуцированном варианте определенного артикля в римском диалекте / Ю. А. Филиппацци, А. А. Кретов // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2017. – № 1. – С. 47–53.

20. *Romanzo criminale*. – Mode of access: https://it.wikipedia.org/wiki/Romanzo_criminale_-_La_serie#Cast

21. *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 280 с.

22. *Мельников Г. П.* Системная типология языков : синтез морфологической классификации языков со стадильной : курс лекций / Г. П. Мельников. – Изд. 2-е. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – 96 с.

23. *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика : (История «блуждающих частиц») / Т. М. Николаева. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 376 с.

24. *Пиотровский Р. Г.* Формирование артикля в романских языках : выбор формы / Р. Г. Пиотровский. –

М. : Издательство ЛКИ, 2013. – 184 с. (История языков народов Европы).

25. *Adams J. N.* Wackernagel's law and the position of unstressed personal pronouns in classical latin / J. N. Adams // *Philological Society*. – 1994. – Vol. 92, Issue 2. – pp. 103–178.

26. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

27. *Распопов И. П.* Актуальное членение предложения : на материале простого повествования преимущественно в монологической речи / И. П. Распопов ; под ред. Д. Г. Киекбаева. – Изд. 2-е. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 168 с. (Из лингвистического наследия И. П. Распопова).

Высшие курсы иностранных языков Министерства экономического развития Российской Федерации

Филипацци Ю. А., кандидат филологических наук, преподаватель итальянского языка

E-mail: juliaflip@gmail.com

Тел.: 8-985-241-07-12

Воронежский государственный университет

Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: tipl@rgph.vsu.ru

Тел.: 8-473-220-41-49

Higher Language Training Courses of the Economic Development Ministry of Russian Federation

Filipazzi Yu. A., Candidate of Philology, Teacher of the Italian Language

E-mail: juliaflip@gmail.com

Tel.: 8-985-241-07-12

Voronezh State University

Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: tipl@rgph.vsu.ru

Tel.: 8-473-220-41-49